

Ричард Пис

Достоевский и Пушкин*

В своем знаменитом эссе «Еж и лис» сэра Исая Берлин утверждает: «У нас нет никаких сомнений в резкости контраста между Пушкиным и Достоевским», и далее он говорит, что «было бы уместно сказать, что всю русскую литературу обрамляют эти две гигантские фигуры — на одном полюсе Пушкин, на другом — Достоевский». Говоря словами Берлина, Достоевского-мыслителя можно было бы обвинить в том, что он «непреклонный пророк, носитель единой универсальной идеи» — другими словами, «еж» — в противоположность Пушкину, которого Берлин называет «архи-лисом — величайшим в XIX веке»¹.

На первый взгляд кажется, что многое говорит в пользу столь резкого контраста между двумя писателями. Проза Пушкина утонченна и изящна, отличается точностью выражения; Достоевский многословен, часто непонятен, и он словно бы одержим идеями, а не стилем. Тем не менее, когда поэт Баратынский разбирал бумаги Пушкина после его смерти, он увидел его в новом свете и написал другу: «Можешь представить, что поразило меня более всего во всех его [последних] поэмах? Обилие мыслей! Пушкин — мыслитель! Можно ли было это ожидать?»². В творчестве Пушки-

* Это переработанный вариант доклада, сделанного на коллоквиуме в честь двухсотлетия со дня рождения Пушкина в Тринити-колледже в Дублине 14 мая 1999 г.

на больше идейного содержания, чем зачастую считается, и именно эту черту своего блистательного предшественника мгновенно подметил Достоевский. В этом он отличается от Толстого, который в 1903 году записал в своем дневнике: «Разговаривая о Чехове с Лазаревским, уяснил себе то, что он, как Пушкин, двинул вперед форму. И это большая заслуга. Содержания же, как у Пушкина, нет»³.

Пропасть между Достоевским и Пушкиным, столь очевидная для Берлина, могла быть не столь заметна для самого Достоевского. На протяжении всей жизни он глубоко поклонялся Пушкину. Когда поэт трагически погиб в январе 1837, горе Достоевского, казалось, почти не уступало его горю из-за смерти матери. Брат Достоевского Андрей сообщает, что известие о смерти Пушкина дошло до них только в конце февраля, и записывает: «Помню, что братья чуть с ума не сходили, услышав об этой смерти и о всех подробностях ее. Брат Федор в разговорах со старшим братом несколько раз повторил, что ежели бы у нас не было семейного траура, то он просил бы позволения отца носить траур по Пушкину»⁴.

Однако когда дело доходило до собственно творчества, влияние Гоголя кажется более глубоким. Карьера Достоевского началась с повести «Бедные люди», представлявшейся современникам важным событием в жизни так называемой «натуральной школы», пестуемой критиком Белинским, который стремился продвигать то, что ему казалось наследием Гоголя в русской литературе. Некрасов называл Достоевского новым Гоголем, да и самому Достоевскому приписывается апокрифическое высказывание «Все мы вышли из гоголевской шинели» (т.е. на всех молодых писателей, связанных с натуральной школой, повлияла эта знаменитая повесть Гоголя). Тем не менее в «Бедных людях» Достоевский не столько следует за Гоголем, сколько полемизирует с ним. Главный вопрос — это фигура «маленького человека», бедного, задавленного жизнью чиновника. Герой Достоевского Девушкин, после прочтения «Шинели», горячо отрицает гоголевское изображение этого типа. С другой стороны, изображение Пушкиным несчастий «маленького человека» в «Станционном смотрителе» он воспринимает с сочувствием и пониманием. Можно сказать, что мнения первого литературного героя Достоевского отражают мнения самого автора. Во всем своем творчестве ему надо было бороться и отрицать несомненное влия-

ние на него Гоголя, тогда как Пушкиным он безоговорочно восхищался.

Именно в великих романах, написанных после возвращения Достоевского из Сибири, наиболее заметно влияние Пушкина. Разумеется, здесь это вопрос не стиля, но того элемента пушкинского творчества, который, как я заметил, часто преуменьшали или не замечали: интереса Пушкина к миру идей. В «Пиковой даме» Пушкин исследует тему безжалостного молодого человека наполеоновского типа. Один из героев повести Томский так говорит о нем: «У него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совести по крайней мере три злодеяния»⁵. В маниакальной погоне за богатством Германн несет ответственность за смерть беззащитной старухи, за несчастье ее молодой воспитанницы Лизаветы Ивановны. Вот краткая обрисовка сюжета «Преступления и наказания» Достоевского, и хотя между двумя произведениями есть очевидные различия в ситуации и положениях, тем не менее кажется значимым, что в компаньонки *своей* старухе Достоевский выбирает тоже Лизавету Ивановну. Можно понять, почему Достоевского, получившего, как и Германн, инженерное образование, и имевшего сильную склонность к игре, влекло к пушкинскому герою, но он взял идеи, скрытые в повести Пушкина, и развил их собственным, неподражаемым образом.

Но к «Пиковой даме» его притягивало и нечто другое. М.А. Поливанова, рассказывая о своем визите к Достоевскому в конце его жизни, пишет, что писатель часто восклицал: «Мы все пигмеи перед Пушкиным», и особенно восхищался мастерством Пушкина в «Пиковой даме»: «Тонким анализом проследил он все движения души Германна, все его мучения, все его надежды и, наконец, страшное, внезапное поражение, как будто он сам был тот Германн»⁶. Поливанова отмечает, что Достоевский особо выделил и хвалил то, как Пушкин в своей повести использует фантастическое, и шесть дней спустя после визита Поливановой Достоевский высказывается сходным образом в письме к Ю.Ф. Абаза: «Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что Вы должны *почти* поверить ему. Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал «Пиковую даму», — верх искусства фантастического. И вы верите, что Германн действительно имел видение, и

именно сообразное с его мировоззрением, а между тем, в конце повести, то есть прочтя ее, Вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов. (NB. Спиритизм и учение его.) Вот это искусство!» (30, I; 192).

Хотя критики отмечали, что эти слова написаны перед тем, как Достоевский начал описывать в «Братьях Карамазовых» кошмар Ивана Федоровича, которого мучает черт, они столь же важны для понимания того, как Достоевский рисует бред и кошмары Раскольникова в «Преступлении и наказании» — у Достоевского фантастическому всегда находится реалистическое объяснение. Разительный пример этому мы находим в шестой главе третьей части романа, когда Раскольникова неожиданно обвиняет в убийстве таинственный незнакомец. Этот человек — словно бы воплощение некоей сверхъестественной совести. «Кто он?» — спрашивает сам себя Раскольников. «Кто этот вышедший из-под земли человек? Где был он и что видел? Он видел все, это несомненно. Где ж он тогда стоял и откуда смотрел? Почему он только теперь выходит из-под полу? И как он мог видеть — разве это возможно?» (6; 210). На самом деле нет никакого сверхъестественного объяснения: этот таинственный человек просто сложил два и два, заметив самообличающее поведение Раскольникова, который постоянно возвращается на место преступления и задает странные вопросы.

Когда Достоевский наконец-то возвратился в Санкт-Петербург в 1860 году, после десяти лет политической ссылки, он обнаружил, что интеллектуальная жизнь столицы крайне изменилась. Теперь художественный и культурный тон задает молодое поколение радикальных утилитаристов: Чернышевский, Добролюбов и еще более радикальный Писарев. Роль Пушкина в русской литературе стала центральным пунктом полемики, которую вел с молодым поколением Достоевский. В своей статье «Г-н —бов и вопрос об искусстве» он упрекает всех утилитаристов в целом и Добролюбова в частности за их отношение к Пушкину: «Они, например, ненавидят Пушкина, называют все его вдохновения вычурами, кривляниями, фокусами и фиоритурами, а стихотворения его — альбомными побрякушками. Даже самое появление Пушкина в нашей литературе

они считают как будто-то чем-то незаконным. Мы вовсе не преувеличиваем. Все это почти ясно выражено г-ном -бовым в некоторых критических статьях его прошлого года» (18; 79). Более того, в полемической статье 1864 года, направленной против молодых радикалов, «Господин Щедрин, или раскол в нигилистах», Достоевский полагает, что отвержение Пушкина было одним из условий, на которых Щедрина взяли в редакцию радикального журнала «Современник». Итак, молодому писателю говорят: «Отселе вы должны взять себе за правило, что сапоги во всяком случае лучше Пушкина, потому что без Пушкина очень даже можно обойтись, а без сапогов никак нельзя обойтись, а следственно, Пушкин — роскошь и вздор. Поняли?» (20; 109).

Эта полемика также отразилась на страницах «Преступления и наказания», где она изложена устами нелепого Лебезятникова, который утверждает, что чистка сточных канав есть занятие высшее по сравнению с творчеством таких художников, как Рафаэль и Пушкин. В свете попыток молодых радикалов избавиться от Пушкина как легкого светского поэта, совершенно неважного для русской жизни, становится понятно, почему в «Преступлении и наказании» и в последующих романах Достоевский пользуется заимствованиями из Пушкина, чтобы подчеркнуть идейное содержание его произведений и их значимость для глубинных проблем русского общества.

В следующем романе Достоевского, «Идиот», стихотворение Пушкина оказывается важным элементом характеристики героя, попыток изобразить положительно прекрасного князя Мышкина. Хотя в письме к племяннице Достоевский, говоря о своих планах создать такого героя, упоминал Дон-Кихота Сервантеса и Пиквика Диккенса, именно пушкинский «Рыцарь бедный» появляется в самом романе:

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Аглая дразнит его этим стихотворением и тем обликом Мышки-

на, на который оно намекает. В стихотворении, в его полном цензурном варианте, есть много совпадений с жизнью Мышкина. Так, откровение нисходит на «бедного рыцаря» в Швейцарии, связанной с именем Марии (озарение, нисшедшее в Швейцарии на Мышкина, было связано с молодой девушкой по имени Мари). Обоим является виденье в женском образе, оба замкнуты, и в отношении обоих делаются намеки на ересь в их исканиях. В стихотворении Пушкина о «Бедном рыцаре» говорится, что он «полон чистою любовью // Верен сладостной мечте», а после того, как Аглая читает стихотворение, символическая роль произведений Пушкина подчеркивается появлением воплощенной веры — Веры Лебедевой, несущей на руках не ребенка, как она имела обыкновение (ребенка с символическим именем «Любовь»), но полное собрание сочинений Пушкина (8; 212). Значимость этого момента можно понять из более позднего заявления, которое Достоевский сделал в «Дневнике писателя» в августе 1880, где он предположил, что произведения Пушкина помогут спасению России: «Уверуйте в дух народный и от него единого ждите спасения и будете спасены» (26; 130). В «Идиоте» произведения Пушкина получили именно эту идеологическую роль: Мышкин пытается спасти свое темное alter ego, Рогожина, читая ему Пушкина во время их пребывания в Москве.

В своем следующем романе «Бесы» Достоевский берет из стихотворения Пушкина «Бесы» не только его название, но и эпиграф, который четко указывает тему романа: искажение национального духа инородными, демоническими силами:

Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы. Что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
.....
Сколько их, куда их гонит,
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают? (10; 5).

Именно нигилисты под предводительством Верховенского и при загадочном пособничестве Ставрогина являются «бесами», они — это злые силы, заразившие народ. Представитель поколения самого Достоевского, Степан Трофимович Верховенский, изображен в первой части романа сентиментальным шарлатаном (и частью замысла Достоевского была мысль, что романтически настроенные либералы сороковых были интеллектуальными отцами молодых радикалов шестидесятых). И все же в конце романа Степан Трофимович становится положительной фигурой. Он решает отказаться от своей прежней сибаритской жизни. «Но в путь, в путь, в новый путь», — провозглашает он, потому что он вступил в период новых исканий, и теперь он цитирует (в адаптированной форме) то же самое стихотворение, которое в предшествующем романе ассоциировалось с Мышкиным, намекая на то, что он сам теперь «Полон чистою любовью // Верен сладостной мечте» (10; 266). Грубость утилитаристских доводов шестидесятников часто пародировали как учение, которое ставит пару хороших сапог выше Пушкина. В этом споре Степан Трофимович четко знает свои собственные ценности: он на стороне Сикстинской Мадонны, Шекспира, красоты. «Сама наука не простоят минуты без красоты», — объявляет он. «...Гвоздя не выдумаете!» (10; 373).

Нигилистам в романе потакают либерально настроенные власти — местный губернатор фон Лембке и, в частности, его жена Юлия Михайловна, которая мечтает управлять молодым поколением и примирить их взгляды со своими собственными ценностями. Здесь отражается иронический намек на наполеоновские амбиции, на которые Достоевский лукаво намекает посредством еще одной пушкинской цитаты: «над коей вспыхнул сей язык» — из стихотворения «Герой», где говорится о героических претензиях самого Наполеона (10; 268)⁷.

И все же наполеоновский душок таких амбиций запечатлен в более знаменитой цитате из этого стихотворения, которая дорога сердцу героя следующего романа Достоевского «Подросток»:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман... (13; 152)⁸.

— эта пушкинская цитата, несмотря на свою синтаксическую сложность, заморозила не только Достоевского, но и поздних писателей, таких, как Чехов и Горький. Разумеется, в своем изначальном контексте эта цитата отражает определенное отношение к Наполеону, а «подросток» утверждает, что в этих двух строках содержится святая аксиома. Однако, этот юный герой надеется достичь безграничной власти не силой оружия, но, как Ротшильд, накопив огромное богатство.

Последний великий роман Достоевского, «Братья Карамазовы», содержит пародию на Пушкина в виршах Ракитина по поводу женской ножки. Здесь Достоевский несомненно возобновляет свою атаку на отношение шестидесятников к национальному поэту. Здесь речь снова идет об идеях:

Не по ножкам я тоскую, —
Пусть их Пушкин воспевает:
По головке я тоскую,
Что идей не понимает (15; 30)

На первый взгляд кажется, что на «Братьев Карамазовых» больше повлиял Шиллер, чем Пушкин. Но прежде чем рассмотреть этот вопрос, нам надо обратиться к кульминации хвалы Достоевского Пушкину — к знаменитой речи, которую он произнес на пушкинском празднике в 1880 г. В этой речи Достоевский превозносит Пушкина как пророка — хотя это определение чаще связывается с самим Достоевским. Пушкин, утверждает Достоевский, оставил русской литературе великое наследие: «Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов». Однако, судя по тому, как этот вклад Пушкина описывается в речи Достоевского, он имеет природу скорее эстетическую, нежели идейную. Так, он пишет: «Но не в поэзии лишь одной дело, не в художественном лишь творчестве: не было бы Пушкина, не определились бы, может быть, с такою непоколебимою силой (в какой это явилось потом, хотя все еще не у всех, а у очень немногих) наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов» (26; 145).

Следовательно, именно пушкинское чувство *русскости* особенно восхваляет Достоевский, и весь настрой его речи подчеркивает не просто способность Пушкина понять сущность русского народа, но и прославление им русского народа, то, что Пушкин поместил его в европейский контекст, и открыл то, что он считает уникальным даром русского народа, — постигать ценности и сущность других культур. Для Достоевского именно *народность* есть самая характерная черта пушкинского творчества. Пушкин, как ни один другой писатель, един с народом в его узком определении — с русским простонародьем; но его взгляды также включают в себя более широкое понятие народа как нации. Одним из главных достоинств Пушкина было то, что он видел и рисовал национальный тип: европеизированный русский дворянин — скиталец, как его называет Достоевский (хотя другие чаще употребляют другой термин: «лишний человек»). Он видит этих людей в таких персонажах, как Алеко из «Цыган» или герой одноименного романа Евгений Онегин. Эти люди без корней, утверждает Достоевский, должны найти взаимопонимание с простым русским народом; они должны смирить свою гордость.

В «Цыганах», после того как Алеко убивает Земфиру, цыгане осуждают его за гордость: «Оставь нас, гордый человек». Достоевский видит в этой формуле русское убеждение, русскую истину и чувство справедливости: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве» (26; 139). Слова «смирись, гордый человек» особенно оскорбили Максима Горького, который выдвинул собственный лозунг: «Человек — это звучит гордо!». Горький совершенно неверно истолковал слова Достоевского, обращенные к «скитальцам» вроде Алеко, а не к людям в целом, и в большой мере из-за ошибочного понимания Горького Достоевский почти перестанет существовать в советской литературной критике⁹.

Совершенно ясно, что в своей речи Достоевский стремится извлечь из «Цыган» нравственный урок, и точно так же он читает «Евгения Онегина». Для него истинный «герой» романа — это его героиня, Татьяна, и ее окончательный ответ Онегину: «Но я другому отдана // И буду век ему верна», и он понимает его как отказ обрести личное счастье за счет несчастья другого:

Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо, мало того — пусть даже не столь достойное, смешное даже на иной взгляд существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честного старика, мужа молодой жены, в любовь которой он верит слепо, хотя сердца ее не знает вовсе, уважает ее, гордится ею, счастлив ею и покоен. И вот только его надо опозорить, обесчестить и замучить и на слезах этого обесчещенного старика возвести ваше здание! Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос (26; 142).

Да, в этом-то и вопрос, и именно этот вопрос сам Достоевский так драматически поставил в «Преступлении и наказании», где Раскольников, решаясь на убийство, исходит из самых разных мотивов, в числе которых и стремление основать «Новый Иерусалим». Но Достоевский продолжает:

И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых вы строили это здание, согласились бы сами принять от вас такое счастье, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного существа, но безжалостно и несправедливо замученного, и, приняв это счастье, остаться навеки счастливыми? (26; 142).

Теперь мы видим, какое значение имеет пушкинская речь для «Братьев Карамазовых», потому что именно такое обвинение предъявляет Иван самому Богу. Если здание человеческой гармонии должно быть основано на страданиях невинных, то Иван не готов принять такое условие. Он очень вежливо возвращает свой билет.

Очевидно, что, говоря об идейном содержании произведений Пушкина, Достоевский на самом деле позволяет нам понять и собственную нравственную вселенную, и не только — нравственную вселенную России и самого человечества. Пушкин, утверждает он

вопреки шестидесятникам, понимает душу нации и вечные человеческие ценности. Он пророк, и кто может усомниться в том, что вопросы, которые поднимает Пушкин, и особенно акценты, которые расставляет Достоевский, глубоко важны не только для человечества в целом, но и особенно для страны, в которой от Петра Великого и до Ленина и его наследников делались попытки возвести такие здания на основании страданий отдельных людей.

Сам Достоевский был связан с так называемыми почвенниками, и отголоски этой связи можно услышать в его пушкинской речи. У лишенного корней Онегина, говорит он, нет почвы под ногами: «У него никакой почвы, это былинка, носимая ветром». В этом он противостоит Татьяне: «Не такова Татьяна: это тип твердый, стоящий твердо на своей почве» (26; 140, 143). Как мы видели, Достоевский советует «гордому человеку» смириться и прежде всего потрудиться «на родной ниве». В «Братьях Карамазовых» этот совет воспринят буквально. Дворянин Дмитрий Карамазов, на мгновение постигнув последствия собственного поведения, не только ищет смирения, но и говорит об обретении окончательного спасения в глубинах русской деревни и в труде на земле (15; 186).¹⁰

Кроме Татьяны, Достоевский восхваляет еще одного пушкинского персонажа — инока Пимена из трагедии «Борис Годунов», образа, который словно бы подкрепляет существование национального духа: «Тип этот дан, есть, его нельзя оспорить, сказать, что он только выдумка, что он только фантазия и идеализация поэта. Вы созерцаете сами и соглашаетесь: да, это есть, стало быть, и жизненная сила этого духа есть, и она велика и необъятна» (26; 144).

Пушкинский инок, истолкованный здесь почти как воплощение духа русского народа, несомненно сыграл определенную роль в изображении Достоевским собственного инока, Зосимы, в «Братьях Карамазовых». Действительно, Зосима многократно усиливает идеи, выраженные в Пушкинской речи: «А от нас и издревле деятели народные выходили <...> От народа спасение Руси. Русский же монастырь искони был с народом» (14; 285).

Следовательно, ясно, что несмотря на многочисленные упоминания Шиллера в последнем, величайшем романе Достоевского, «Братья Карамазовы» на самом деле исполнены ценностей, которые Достоевский извлек из Пушкина: нравственный смысл «Евге-

ния Онегина», положительный образ русского инокa, изображенного в «Борисе Годунове». Но так же ясно, что за каждым из главных романов Достоевского стоит идея-вдохновение, извлеченная из произведений национального поэта, будь то наполеоновский мотив «Пиковой дамы» и стихотворения «Герой», или противоположная тема служения и смирения, воплощенная в фигуре «Бедного рыцаря». Пушкин дал Достоевскому поэтическую метафору «Бесов» и направлял мысль Достоевского в сфере художественного изображения фантастического. Но прежде всего именно у Пушкина позаимствовал Достоевский свои идеи о нации, уроки нравственности — не просто о Человеке в отношениях с Человеком, но также о Человеке в отношениях с Богом. И не может быть более великого свидетельства глубокого поклонения Достоевского национальному поэту, чем речь, которую он прочитал в конце жизни, в которой он не только рассказал, чем он обязан Пушкину, но и возгласил ему величайшую хвалу, которую можно возгласить русскому писателю: Пушкин был более чем великим писателем — он был пророком русской нации.

Перевод с английского Татьяны Бузиной

Примечания

¹ Isaiah Berlin. «The Hedgehog and the Fox», в его книге «Russian Thinkers», ed. by Henry Hardy and Aileen Kelly, and introduced by Aileen Kelly, The Hogarth Press, London, 1978, p. 23. Берлин заимствовал эти термины у греческого поэта Архилоха: «Лис знает множество вещей, но еж знает только одну большую вещь» (ibid., p. 22).

² Цит. по: R.L. Jackson «Turgenev's "Knock... Knock... Knock...": The Riddle of the story». Transactions of the Association of Russian — American Scholars in the U.S.A., New York, 1996—97, vol. 28, p. 376.

На самом деле Баратынский писал жене так: «Все последние пьесы его отличаются, чем бы ты думала? Силою и глубиною!» (Летопись жизни и творчества Е.А. Баратынского. Сост. А.М. Песков. М., 1998, с. 346). Тургенев, цитируя это письмо Баратынского по памяти на пушкинском празднике 1880 г., изменил его слова так, как процитировано в статье. См. об этом: С.Г. Бочаров. Сюжеты русской литературы. М., 1999, с. 236. (Прим. редактора).

³ См. дневниковую запись от 3 сентября 1903 г. в книге: Л.Н. Толстой. О литературе: статьи, письма, дневники. М., 1955, с. 570. На Толстого, в отличие от Достоевского, Пушкин повлиял более всего стилистически. См. в комментариях Р.Ф.Кристиана о том, что стиль пушкинского фрагмента «Гости съезжались на дачу...» мог

вдохновить Толстого при написании первого начала «Анны Карениной» (R.F. Christian. Tolstoy: A Critical Introduction, Cambridge University Press, Cambridge, 1960, p. 167; см. также Л.Н.Толстой. О литературе, сс. 142—143.)

⁴ А.М. Достоевский. Из «Воспоминаний» //в книге: «Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников», в 2-х тт., М., 1964, т.1, сс. 84—85.

⁵ А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 9-ти томах (4-е изд.). Л., 1978, т. 6, с. 228.

⁶ М.А. Поливанова. «Запись о посещении Достоевского 9 июня 1880 года», // в книге «Достоевский в воспоминаниях современников», т. 2, сс. 361, 363.

⁷ См. также: А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 3, с. 187.

⁸ См. также: А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 3, с. 189.

⁹ См.: R. Pease. «Some Dostoevskyan Themes in the Work of Maksim Gor'kij». Russian Literature, North Holland-Amsterdam, vol. 24, # 4 (November 1988), pp. 525—538.

¹⁰ В «Бесах» Шатов призывает дворянина Ставрогина обрести Бога мужицким трудом (10; 203).